

жало «вопрошания некая искушательне» относительно основных догм православия и католичества.¹ Николай Булев (Люев) прислал ему ответ, в котором утверждал, очевидно, что между православием и католичеством существенных различий нет. Не будучи в состоянии разобраться в этих вопросах, Карпов написал письмо Максиму Греку с просьбой изложить его соображения по поводу взглядов Николая Булева.²

Е. Кимеева считает, что «интерес Ф. Карпова к идее соединения церквей был своеобразным проявлением оппозиционности к существующему строю».³ Никаких оснований, однако, говорить о том, что Карпов разделял идею соединения церквей у нас нет. Переписка Карпова с Николаем Булевым и Максимом Греком по вопросу о католичестве и православии свидетельствует о пытливости передового мыслителя, но ничего не говорит о его «оппозиционности к существующему строю».

По богословским вопросам Карпов отнюдь не считал себя авторитетом и ссылался на Максима Грека, как знатока православия, начитанного в святоотеческих книгах. Когда некий священник не понял одного места в послании Максима Грека и высказал свои сомнения по поводу его взглядов, Карпов возразил: «Престани, Стефане... не можешь им одолети словом ему. Вем аз Максима».⁴ В сочинениях самого Ф. Карпова мы находим ссылки на Библию, на произведения Аристотеля, Гомера и Овидия, но там нет ни одной ссылки на святоотеческую литературу.⁵ Это, конечно, нельзя объяснить одной недостаточной осведомленностью Карпова в писаниях «святых отцев». Возможно, перед нами свидетельство своеобразного пренебрежения к так называемому «преданию», характерного для постепенного освобождения общественно-политической мысли от богословской оболочки.

Федор Карпов сочетал прекрасное знание современной ему действительности с хорошей литературной и философской подготовкой. Ошибочным является представление Е. Н. Кимеевой о том, что интерес Карпова к Овидию и Аристотелю — «показатель реакционности его взглядов», ибо «реакционные круги, ненавидя всеми силами центральную власть, стремились противопоставить русским порядкам западноевропейские».⁶

Жажда познания и глубокое уважение к «философии» (как совокупности известных тогда наук) и силе человеческого разума сочетались у Федора Карпова с отчетливым сознанием недостаточности собственных знаний и стремлением к их пополнению. «Мнит ми ся, отче, — писал он Максиму Греку, — подобает недомыслящемуся не стыдиться, о них же не доммыслия, но исповедати неразумие свое мудрейшим». Следует «мудрейшим вопрошати да добр совет ведут и неразумие на разум преложат и томлящуюся мысль добре успокоят». Ныне, писал Карпов, «изнемогаю умом, в глубину впад сомнения».⁷ Карпов обращался к Максиму Греку для разрешения своих сомнений прежде всего как к «философу».⁸ Он ценит «разумных ученых и мудрых».⁹ Его прельщают сочинения, кото-

¹ Там же, ч. I, стр. 235—236.

² Там же.

³ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 223.

⁴ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 124.

⁵ Поэтому неправа Е. Кимеева, подчеркивающая «прекрасное знание Ф. Карповым богословской литературы» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 224).

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 234.

⁷ Максим Грек, Сочинения, ч. III, стр. 275.

⁸ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 1124.

⁹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 106.